

Василь Быков

Карьер

ФТМ

Василий Владимирович Быков

Карьер

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131689

*Василь Быков Альпийская баллада. Мертвым не больно. Карьер: ФТМ;
Москва; 2009
ISBN 978-5-4467-0104-9*

Аннотация

«Пробуждение едва наступило, но сон уже отлетел. Агеев это понял, минуту полежав неподвижно, с закрытыми глазами, будто опасаясь спугнуть остатки дремоты.

Несколько последних дней он стал просыпаться до срока, когда еще не начинало светать и парусиновый верх палатки еще чернел по-ночному непроницаемо, а вокруг стояла мертвенная тишь, какая бывает глухой ночью или накануне рассвета. Было прохладно, он это почувствовал шершавой от щетины кожей щек, начавшей стынуть макушкой головы. За лето он так и не привык забираться в мешок с головой – вечером в том не было надобности, в палатке долго держалось дневное тепло, лишь на исходе ночи, перед рассветом, когда выпадала роса и верх палатки набрякал стылой влагой, становилось прохладно. К тому же на голове у Агеева давно уже не было того жесткого, непокорного чуба, который украшал его в молодости. С годами волосы поредели, утратили былую пышность, удлинились залысины, и

голова стала чуткой к прохладе. Что ж, все, наверно, в порядке вещей – такова жизнь...»

Содержание

Глава первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Василь Быков

Карьер

Глава первая

Пробуждение едва наступило, но сон уже отлетел. Агеев это понял, минуту полежав неподвижно, с закрытыми глазами, будто опасаясь спугнуть остатки дремоты.

Несколько последних дней он стал просыпаться до срока, когда еще не начинало светать и парусиновый верх палатки еще чернел по-ночному непроницаемо, а вокруг стояла мертвенная тишь, какая бывает глухой ночью или накануне рассвета. Было прохладно, он это почувствовал шершавой от щетины кожей щек, начавшей стынуть макушкой головы. За лето он так и не привык забираться в мешок с головой — вечером в том не было надобности, в палатке долго держалось дневное тепло, лишь на исходе ночи, перед рассветом, когда выпадала роса и верх палатки набрякал стылой влагой, становилось прохладно. К тому же на голове у Агеева давно уже не было того жесткого, непокорного чуба, который украшал его в молодости. С годами волосы поредели, утратили былую пышность, удлинились залысины, и голова стала чуткой к прохладе. Что ж, все, наверно, в порядке вещей — такова жизнь.

Вставать было рановато, да и не хотелось вылезать из нагретой за ночь уютной тесноты спального мешка, и он лежал так, с закрытыми глазами, дремотно прислушиваясь к едва различимому в тишине шуму листвы на деревьях поблизости. Этот тихий, иногда мерный, иногда тревожно мятущийся шум листьев сопровождал его сон каждую ночь, порой немного затихая, но к утру обычно становясь беспокойнее и слышнее. Агеев уже свикся с ним за лето и почти не замечал его – шум стал частью его тишины и его затянувшегося одиночества возле этого кладбища, на краю заброшенного карьера.

Поодаль за дорогой в крайних дворах поселка визгливо залаяла собачонка. Агеев знал ее, иногда та прибегала к его одинокому стойбищу, останавливалась в отдалении и наблюдала за его возней у палатки, явно рассчитывая на угощение. Агеев собак не любил с детства, и, хотя относился к ним без злобы, те всегда чувствовали его нерасположение и особенно не напрашивались на знакомство. Собачонка лаяла немного, возможно, на кошку или на птицу в саду и утихла, а Агеев стал дожидаться других звуков. Обычно раньше других в сторожке утренней тиши раздавались приглушенные пространством хриплые окрики – это хозяйка высокого, окрашенного в яркий канареечный цвет дома отправлялась на утреннюю дойку в хлев и, похоже, вымещала на корове свое недовольство жизнью, то и дело озлобленно матерясь, чем всегда резко нарушала летний покой утра. Несколько раз

Агеев видел ее за изгородью во дворе, это была не старая еще, крупнотелая, с басистым голосом тетка, одетая по утрам в заношенный ватник, с уверенными манерами домашней хозяйки. Сегодня, однако, голоса ее не было слышно – наверно, заспалась хозяйка этого добротного выкрашенного дома. Слегка прислушиваясь, Агеев открыл глаза – низкий верх одноместной палатки уже явственно проступал из сумерек, обнаруживая знакомые мелочи: тесемочную шнуровку входа, размытые, непонятного происхождения рыжие пятна на парусине; в самом конце матово светилась небольшая, с гривенник, дырка, недавно прожженная выскочившей из коистра искрой.

Пожалуй, надо было вставать, браться за дело. Но до того, как начать выбираться из мешка, Агеев попытался вспомнить, какое сегодня число, и не сразу, с усилием сообразил, что сегодня третье или, возможно, четвертое августа. Счет дням недели он вел исправно, привычно ощущая суточный ход времени, а вот числа... В этом деле обычно пособляли газеты, но последние дни, занятый работой в карьере, за газетами он не ходил, транзисторного приемника у него не было, и вот сбился со счета. «Маразм, маразм», – поскоблелся он мысленно. Да, память была уже не та, что в молодые годы, память иногда подводила совершенно неожиданно, и нередко требовалось усилие, чтобы вспомнить то, что, казалось, невозможно забыть. Особенно имена, названия, даты. Недавно он обнаружил, что не может вспомнить имени ко-

мандира взвода, с которым выходил из окружения в сорок первом. Имя его выветрилось из памяти, помнил только фамилию – Молокович. И то хорошо.

Тем временем рассвело, в палатке стало светлее, он различил в ногах смятую за ночь болоньевую куртку, брошенное у боковой стенки пропыленное спортивное трико, литровый индийский термос на белом ремешке, который он обычно ставил подле себя на ночь, запыленные кеды у входа. Все остальное имущество было возле кострища и палатки. Когда-то, начав здесь свои раскопки, он все стаскивал на ночь в эту тесную палатку, в которой самому было тесно повернуться. Со временем же, однако, убедился, что оставленные у палатки вещи никому тут не нужны, никто ничего не трогает, и перестал прибирать. К нему тут редко кто подходил, разве случайный прохожий с поля да Шурка с Артуром – два робких с виду пацана, вроде настороженных чем-то. Обычно они присаживались на землю возле кладбищенской ограды и издали молча наблюдали за его нехитрыми утренними или вечерними хлопотами у костра, возле чайника. Костер, конечно, привлекал мальчишек, но вот неделю назад Агеев купил в поселковом хозмаге сухого горючего в таблетках, очень удобного для его небольших хозяйственных надобностей: зажарить яичницу, разогреть гуляш или вскипятить воду на чай. Остатки горячей воды он обычно сливал в термос и в другой раз обходился совсем без огня. Иногда по вечерам в выходные и праздничные дни к карьеру приходил Се-

мен, высокий худой мужчина с единственной рукой-клевшей, которой он все время давал работу: то сворачивал цигарку, то ковырял палкой в песке, а то просто, размахивая ею в воздухе, помогал в разговоре. Обычно он был «под мухой», по крайней мере, всегда так казалось, и почти ни о чем не спрашивал, говорил и говорил о своем, что его беспокоило или о чем вспоминалось. Беспокоили его непорядки в мире, а вспоминалась война, на которой он, судя по всему, хлебнул лиха. Сперва Агеев слушал его с недоверием, что-то в нем противилось сбивчивым Семеновым излияниям, но постепенно он проникся убеждением, что все так и есть, как говорит Семен. Во всяком случае, так было. Семен не врал и даже не привирал – кажется, он не обладал нужным для того воображением, целиком и полностью занятый воспоминаниями. Память же у него была – дай бог каждому.

Когда Агеев выбрался из палатки, уже совсем рассвело. Где-то за мощной стеной кладбищенских деревьев и поселком всходило солнце, нетоптаная трава возле обрыва матово серебрилась в росе, парусина его палатки провисла, напивавшись росистой влагой. Поеживаясь, Агеев натянул на плечи болоньевую куртку, размышляя, стоит ли делать утреннюю гимнастику или лучше согреться чаем – в термосе, должно быть, еще не остыл кипяток. С начала лета он каждое утро старался проделывать свои шестнадцать спортивных тактов, но потом, втянувшись в работу, почти забросил гимнастику, для мышц и суставов и без того хватало нагрузки в карьере.

Сперва неделю или две по ночам все тело ломило от непреходившей усталости, болели руки, но вот постепенно втянулся в свою земляную работу, и боли прошли. А главное, перестал обращать внимание на разное там нытье и колотье, понимая, что надобно уметь переносить боль, тем более такую – от работы. Когда-то пришлось потерпеть похлеще – от двух ранений, одно из которых едва не стоило ему жизни. Но все-таки, наверно, он был крепкого склада, да и молодой организм тогда еще был способен на чудо. Пожалуй, чудо его и возвратило к жизни.

Агеев налил из термоса пластмассовую кружку крепкого, уже начавшего остывать чая, выпил, стоя возле палатки. Есть с утра не хотелось, и раньше часов десяти он старался не завтракать, взяв себе за правило есть, только проголодавшись. Правда, проголодавшись, нередко обнаруживал, что поесть по-настоящему нечего: то не было хлеба, то кончилось сало, которым он запасался на несколько дней в райкооповском магазине. Сало он любил издавна, оно отлично утоляло голод; жаль, в магазине кончилось прошлогоднее, с тмином, свежее же, отливавшее нежной розоватостью на толстом срезе, было почти безвкусным, и он жарил на нем яичницу. Яички покупал у сердобольной седой старушки с концевой улицы поселка за кладбищем. Эта старушка кое-что рассказывала ему о военном и довоенном прошлом поселка. К сожалению, во время войны она жила в двух километрах отсюда на станции и не все знала, что происходило в поселке. За по-

следние годы поселок сильно разросся и слился со станцией, а прежде их разделяло ржаное поле с дорогой, которая шла между двумя рядами тополей и сворачивала за переездом в сторону небольшого вокзальчика и нескольких станционных построек.

С лопатой в руках Агеев прошел по траве к карьеру и остановился на обрыве. Как раз из-за кладбищенских деревьев выкатилось низкое утреннее солнце. Разостлав по росистому косогору широкую тень, оно ярко высветило верхний косой край обрыва и его противоположный излом. Глубокий провал карьера весь лежал в стылой ночной прохладе, на его ископанном, разрытом дне высилась груда земли, месяц назад сдвинутая бульдозером. Этот бульдозер Агеев не без труда выхлопотал на полдня в «Райсельхозтехнике», хотя он и мало помог делу, лишь обезобразил этот заброшенный, начавший зарастать сорняками карьер. Потом, орудуя лопатой, Агеев изрядно разворотил его за лето – впрочем, без особого для себя успеха. Но все же его тайная мысль, как последняя надежда, теплилась в нем слабой искрой, и он думал: а вдруг! Конечно, бульдозер мало годился для такого рода раскопок, за какой-нибудь час он перевернул гору земли, широко сдвинув все с одной стороны на другую, и Агеев просто не мог уследить за тем, что мелькало под его блестящим стальным ножом. Теперь он надеялся лишь на лопату и со дня на день ждал, что вот-вот наконец с ее помощью откроется то главное, что стало его тайной целью, важнейшим смыслом его

существования.

Вдоль по обрыву надо было спуститься к дороге, где был вход в карьер и ждала его оставленная вчера работа – подкопанный, но еще высокий бугор земли вперемешку со строительным мусором, который надо было перебросать лопатой под высокий, обрывистый берег карьера. Но в карьере по-прежнему лежала сплошная тень, дышавшая накопленной за ночь стылостью, и Агеев знобко поежился на обрыве. Он стоял на том самом месте, где почти сорок лет назад, едва сдерживая дрожь в окровавленном теле, прощался с жизнью в смятении и отчаянии от вопиющей несправедливости этой безвременной гибели, полураздетый и, хорошо помнил, босой. Сапоги с него сняли перед расстрелом, и ног он почти уже не чувствовал – ступни по щиколотку одеревенели в ступенной, схваченной первым морозцем грязи, на которую из предрассветной темени, кружась, сыпался снег.

Агеев принялся за дело – копать и отбрасывать под обрыв мягкую, разрыхленную бульдозером землю с различным хозяйственным хламом: трухлявыми обломками досок, остатками закопченной кирпичной кладки, сваленной в карьер, видимо, после ремонта печей. Но большей частью его лопата со скрежетом врезалась в сухую слежалую щебенку с песком и гравием. Впрочем, песка тут было немного – наверное, местечковцы выбрали его еще в довоенные годы для какого-нибудь строительства, а главное, для хозяйственных нужд: ремонта печей, фундаментов, штукатурки стен. В тот страш-

ный год, когда судьба впервые привела Агеева в это местечко, он не выбирался из него дальше кладбища и впервые попал в этот карьер лишь в то роковое утро, которое едва не стало для него последним.

Но вот сорок лет спустя, овдовев и выйдя на пенсию, Агеев теплым солнечным днем на исходе весны приехал сюда. Сперва он даже испугался, почти не узнав местечка, ставшего за эти годы городским поселком. По крайней мере, центр его совершенно изменил свой первоначальный облик, бывшая базарная площадь расширилась до самых стен церкви, церковная ограда исчезла, с другой стороны площади выросло трехэтажное здание райисполкома; чуть поодаль, в начале улицы высилась силикатная громадина универмага, и перед ним лежал крохотный скверик – ряд чахлах деревцев, еще привязанных к кольям-опорам, с неширокой дорожкой, обрамленной поставленными на уголок кирпичами. Короткая эта дорожка вела к памятнику – бетонному обелиску в решетчатой железной оградке, с широкой мраморной плитой на лицевой стороне. Маленькая дверца в оградке была не заперта, и, наверно, туда можно было пройти, на узком бетонном подножии лежало несколько увядших гвоздик в разворошенном ветром целлофане. Но цветами Агеев не запасся и заходить туда не имело смысла. Вцепившись руками в заостренные наверху ограды, он зашарил глазами по плотным столбцам фамилий. Он уже знал про этот обелиск в поселке, ему рассказывали наезжавшие сюда знакомые; однажды

писал в райисполком и получил ответ, что подпольщики тоже захоронены здесь. Теперь без труда нашел их фамилии – неглубоко высеченные на камне в самом конце этого скорбного списка. В отличие от остальных они были обозначены без воинских званий, так как, наверное, и не имели никаких званий, за исключением разве что Молоковича.

Ее же здесь не было.

Но почему ее не было? Разве она выжила? Или погибла где-либо не здесь, может быть, в немецком концлагере, вывезенная из местечка? Конечно, тогда все могло быть, но четыре десятка лет Агеев прожил в уверенности, что она также не избежала их общей участи. По крайней мере, страшные события той осени ни для кого не оставляли надежды, все они были обречены, и только он по счастливой случайности увернулся от смерти. Но две случайности в их положении – это было бы уже чересчур, во вторую он не в состоянии был поверить. И ему казалось, что тут утвердилось недоразумение, что ее просто не нашли, а возможно, и не искали. Ведь о ней знал только он один. Ну и, конечно, полиция, которая все и раскрыла. Но у полицаев теперь не спросишь, а документов не найдешь. Они умели прятать концы в воду.

Оставалось обратиться к людям.

Отойдя от памятника, он огляделся. Площадь изменилась до неузнаваемости, но церковь осталась, и она помогла ему сориентироваться. Дальше следовало повернуть в переулок и пройти улицей вниз. Стараясь приглушить тревогу в ду-

ше, Агеев скорым шагом отправился из центра к окраине, прежде всего на Зеленую, хорошо известную ему улочку, застроенную обычными деревянными домиками с крошечными огородами и садами, упиравшимися в глубокий овраженный провал с ручьем и старыми деревьями на склонах. К его большой радости, здесь почти ничего не изменилось, разве что некоторые из домов заметно обветшали, другие же после ремонта нарядно желтели свежеекрашенными стенами. В самом начале улицы на углу высился домище о трех окнах по ошалеванному фасаду, под громадной, на немецкий манер срезанной по углам гонтовой крышей. Едва справляясь со все усиливающимся биением сердца, Агеев направился в конец этой коротенькой улочки, еще издали узнавая знакомый латаный гонт на крыше Барановской, в доме которой он провел некогда почти три месяца своей жизни.

Всплеск его радости, однако, стал опадать по мере того, как он пыльной обочиной подходил к этому дому – взору его предстали явные приметы заброшенности: длинные горбыли на окнах, выходивших в крохотный палисадничек при улице, боковое окно из кухни чернело сплошь разбитыми стеклами, калитки тут не было и раньше, и некогда уютный, вымощенный мелким булыжником дворик с канавками для стока воды густо зарастал сорной травой. Дом был давно покинут и, видать по всему, тихо умирал на ушедшем в землю щербатом фундаменте. Может быть, один только сад при нем мало изменился за четыре десятка лет, хотя постепенно дичал

в небрежении, а большого старого клена напротив входа на кухню уже не было вовсе, как не было и беседки-повети по другую сторону дворика.

Не заходя во двор, Агеев оглянулся на улицу, узнавая и не узнавая ее малоприметные подробности. К несчастью своему, он совершенно забыл соседей, помнил только, что в доме напротив жил дядька – молчаливый, не старый еще мужик, Барановская иногда обращалась к нему по хозяйству, вроде бы даже он приходился ей родственником. Вспомнив о нем, Агеев перешел через улицу и толкнул невысокую дощатую калитку. Навстречу ему из замызганной конуры с бешеным лаем взвился верткий лохматый пес. И тут же из пристройки рядом с крылечком выглянула тоненькая женщина в вылинялом голубом сарафанчике.

– Здравствуйте, – как можно дружелюбнее сказал Агеев, глядя в ее молодое, отчужденно недоумевающее лицо, и замолчал, не зная, как начать разговор. Очень не простой предстоял разговор, но женщина не унимала пса и не предлагала зайти, она выжидала, что скажет захожий. – Не скажете, вон напротив жила Барановская...

Стоя в распахнутой двери, женщина пожалала загорелыми плечиками и низким, вроде заспанным голосом крикнула в дом:

- Виктор, выдь! Тут какую-то Барановскую спрашивают.
- Кто спрашивает? – глухо донеслось из дома.
- Ну выйди! Кто, кто...

Из двери высунулся молодой человек в белой майке с разогретым паяльником в руках, от которого еще струился в воздухе дымок, он прикрикнул на собаку, и та сразу замолкла. Женщина проскользнула мимо в дверь дома, откуда слышался нетерпеливый младенческий плач.

– Хотел спросить: соседка ваша Барановская, что напротив жила, – прерывающимся от волнения голосом напомнил Агеев. – Она... Судьба ее какая?

– Барановская? Какая Барановская? Тут раньше Валюки жили, выехали на целину. Года три или четыре тому.

– Валюки... А вы... Простите, сколько вам лет? – с растерянной улыбкой спросил Агеев, начиная понимать что-то.

– Мне? Ну двадцать восемь. А что?

– Да так, ничего, – все враз поняв, ответил Агеев. – Извините, я тут, знаете, напутал.

– Да? Ну бывает...

Он прикрыл за собой калитку и побрел по улице, ясно сообразив, что двадцативосьмилетний Виктор родился в конце пятидесятых годов и, конечно же, еще до его рождения в доме Барановской могло смениться не одно семейство жильцов. Вот если бы встретить кого из старожилов, довоенных обитателей этой улицы, уж от них, наверно, можно было бы узнать побольше. Агеев оглянулся – белая майка Виктора все еще виднелась во дворе, и он вернулся к калитке.

– Я извиняюсь, скажите, а тут, на вашей Зеленой есть кто-нибудь из стариков? Что тут до войны жили?

– А кто их знает, – насупился Виктор и, вдруг что-то вспомнив, тряхнул светлой волосатой головой. – Супрунчук, может...

– Да что Супрунчук! – перебила его появившаяся на крыльчке жена с запеленатым младенцем в руках. – Супрунчук твой с праздника не просыхает. Вон лучше Поддубского спросите, он должен знать.

– А где это? – оживился Агеев.

– Да вон третья хата от угла. «Жигуль» там синий стоит, – охотно объяснил Виктор.

Скорым шагом Агеев направился вдоль улицы и действительно во дворе третьего от угла дома увидел синий «Жигуль» с настежь распахнутыми четырьмя дверцами, раскрытым багажником и поднятым капотом. Возле него хлопотал не старый еще мужчина в темно-синем спортивном трико.

– Здравствуйте!

– Добрый день, – поднял озабоченное лицо мужчина и выжидательно уставился в него.

– Мне Поддубского, – пояснил Агеев, едва сдерживая нетерпение.

– Ну я Поддубский, – сказал мужчина и выпрямился с гачным ключом в руке.

– Нет, знаете... Мне... чтоб постарше.

– Постарше? Отца, что ли? Так отец на рыбалке. Выходной все же, запрет только сняли. Я вот тоже собрался, да эта холера закапризничала.

– А отцу сколько лет? – спросил Агеев, опять настораживаясь. Упоминание о рыбалке как-то не вязалось в его представлении с пожилым возрастом отца.

– Лет? Пятьдесят пять вроде.

– Да...

– А что, мало? Так у нас тут имеется и постарше. Дед! – позвал мужчина, обернувшись. Но на дворе больше никого не было. – Где же он? Только сейчас выходил...

Мужчина прошел за угол дома, где начинался ряд недавно отцветших деревьев с побеленными стволами, между которыми лежали прополотые, политые с утра грядки.

– Дед, тебе сколько лет?

Ответа оттуда не послышалось, и Агеев тоже прошел за угол. С тыльной стороны дома на скамейке под кустом отцветшей сирени сидел глубокий старик в истоптанных валенках на тощих ногах. Сосредоточенно уставясь перед собой, он, похоже, находился во власти своих старческих дум и никак не отреагировал на их появление, только вскинул на Агеева рассеянный взгляд.

– Вот хочу спросить вас, – бодро начал Агеев. – Вы давно тут живете?

– Да он тут всю жизнь. Тут и родился, – охотно объяснил мужчина.

– Может, помните, тут на Зеленой Барановская жила?

– Была Зеленая, – подсказал сзади мужчина. – Теперь Космическая.

– Переименовали?

– В который раз. После войны была Танкистов. Потом Пекинская. Теперь Космическая.

Старик на скамейке как-то странно закачался вперед-назад, задвигал свешенными между колен жилистыми кистями рук.

– Барановская, Варвара... Немцы застрелили.

– Застрелили? Вот как!..

– Застрелили. На станции. Помню, как раз на зимнего Николау. Я еще дрова возил...

Это хотя и не было ошеломляющим для Агеева, который давно предполагал именно такой исход, он все же испуганно подумал: за что? Уж не из-за него ли? С щемящей болью в душе он постоял молча, будто дожидаясь, что еще скажет старик. Но старик молчал, размышляя или в ожидании новых вопросов.

– А еще, может, знаете, – с надеждой начал Агеев, – тут где-то на соседней улице жил один человек, жестянщик или слесарь, он еще в войну терки из жести мастерил, зерно тереть...

– Лукаш?

– Может, и Лукаш, не помню. Так у него на квартире учительница была приезжая. А с ней сестра жила...

Сказав это, Агеев почувствовал, что приблизился вплотную к тому главному пределу, к которому шел столько лет, и сейчас, наверно, услышит свой приговор. Надо было со-

браться с силами, чтобы выдержать его, каким бы он ни был.

– Лукаш мастеровой был, ага... Умел по дереву и по металлу. Мне еще рамы после войны делал. Мастеровой был, ага...

Лицо старика на короткий момент просветлело, он оторвал взгляд от земли и повел им в сторону Агеева. Агеев разочарованно выдохнул и переступил с ноги на ногу – сесть тут было не на что.

– Мастеровой... Помер. Давно уже.

– Так учительница квартировала у него...

– Что? Учительница? Можя, и была.

– А вы не помните, дед?

– Учительница? – повторил, помедлив с ответом, старик. – Не, не помню.

Почти убитый этим визитом, Агеев вышел на улицу. Потерянно побродив по одной и по другой стороне, еще раз зашел в заброшенный, зарастающий сорняками двор Барановской, узнавая и не узнавая обветшалые стены ее дома, подгнившие, выкрошенные углы, покосившиеся простенки. Он обошел хлев, сарай за дровосекой, поросшей густой, по колено лебедой, заглянул в огород с тыльной стороны усадьбы и не увидел там пристройки-сарайчика, который, наверно, давно уже разобрали на дрова, – по самую стену дома шли ровные борозды дружно взошедшего картофеля. На глаз он отметил то место, где стоял его топчанчик и где была дыра в стене, возле которой под камнем он прятал свой пистолет

«ТТ». Кто-то, наверно, нашел, если в свое время пистолет не подобрала полиция.

Вернувшись во двор, издали посмотрел на сад, который, оказывается, тоже не пощадило время – старые яблони медленно по одной умирали, теряя отсохшие суки и ветки; кусты смородины и крыжовника, некогда отделявшие сад от двора, вывелись начисто, на меже огородов над тыном чернело голое сучье нескольких засохших вишен, очень памятных ему с того лета. Теперь он даже не подошел к ним. Всем его существом овладевало гнетущее ощущение неудачи. Чтобы как-то справиться с ним, он еще прошел в конец улицы, мимо высокого дома с немецкой крышей, перешел на следующую. С новой надеждой встретил пожилую женщину с сумкой и сразу спросил, не помнит ли она Лукаша-жестянщика. Женщина устало опустила наземь тяжелую сумку, доверху набитую хлебом, поправила пеструю косынку на голове.

– Как же, был Лукаш, Ванькович его фамилия. Помер после войны.

– А у него учительница перед войной на квартире жила.

– Учительница? Была, кажись, пригоженькая такая. Вот не помню, как звали...

– Вера, – с воспрянувшей радостью подсказал Агеев.

– Можя, и Вера, не помню вот.

– А что с ней дальше случилось, не вспомните? К ней еще сестра перед войной приезжала. Мария.

Женщина наморщила и без того морщинистое переносье,

всмотрелась в дальний конец улицы, по которой уже грохотала «Колхида» с прицепом.

– Не знаю. Помню, вроде была молодая девушка. Недолго пожила. А куда делась?..

– После войны не объявлялась?

– Не знаю...

Агеев еще прошелся несколько раз по этой и по соседним улицам и, совсем было отчаявшись, подошел к двум мужчинам, болтавшим возле калитки. Один из них стоял по эту ее сторону, а другой, худой и высокий, – по ту, оба курили и о чем-то развязно беседовали, то и дело грубовато посмеиваясь. При обращении к ним, однако, умолкли и, выслушав Агеева, худой и высокий из-за калитки радостно оживился.

– Знаю Марию, в Менске живет. Окончила иняз, теперь работает в школе.

– Вот как! – ошарашенно сказал Агеев. – И давно окончила?

– В семьдесят восьмом, хорошо помню. Я поступал, был конкурс громадный, ну и срезали. А она заканчивала.

Агеев враз помрачнел, прикидывая в уме, сколько же ей могло быть в семьдесят восьмом. Нет, что-то поздновато было ей в пятьдесят лет кончать институт. Вряд ли это она.

– Простите, а какого она возраста?

– Возраста? Да моя ровесница. Вместе в школу ходили. Только я еще армию отслужил... А что, не та, значит?

– Не та, – сказал Агеев уныло, кивнув на прощание муж-

чинам.

Он и еще спрашивал: у случайных уличных встречных, выбирая тех, кто постарше, подходил к пожилой продавщице киоска «Союзпечать», несколько раз забредал во дворы; если видел кого-нибудь с улицы. Некоторые легко вспоминали Лукаша, помнили Барановскую, очень немногие вспоминали учительницу Веру Адамовну, но никто толком не мог рассказать что-либо о ее сестре. Вроде приезжала, недолго пожила у сестры, а куда девалась? Этого никто не знал. Оно, пожалуй, и неудивительно, прошло ведь столько времени. Здесь уже немного осталось тех, кто мог вспомнить довоенного секретаря райкома Волкова, погибшего в сорок третьем на Могилевщине, – как-то Агеев читал о нем очерк в газете. Но Волков что – Волков все-таки был комиссаром бригады, а не безвестным подпольщиком, он не мог затеряться.

И она, по всей вероятности, погибла. Но где и когда?

Много бессонных ночей провел Агеев, думая об этом, но каждый раз заходил в тупик. И все его попытки узнать что-нибудь о судьбе Марии с помощью архивов, запросов по различным инстанциям заканчивались столь же тупиковыми ответами вроде: «не числится», «не значится», «сведений не имеется». А ведь по прошествии стольких лет единственной возможностью в его поисках стали документы, списки, архивные справки, в которых было многое, но, увы, ничего не было о ней. Впрочем, если подумать, то ничего и не могло быть. В ту памятную осень они больше всего на свете опасались.

лись документов, списков, записок, даже случайно оброненной бумажки, которая запросто могла стать уликой. А о посмертной памяти или отражении в истории кто тогда думал? Путь в историю для них был перекрыт ежедневной опасностью, перебраться через которую зачастую было немыслимо. Все последние годы, рассылая письма с запросами, обращаясь в архивы и расспрашивая людей, Агеев понимал, что не столько жаждет узнать о ее судьбе, сколько обмануть себя, избежать последнего, невозможного для него ответа. Этот ответ мог нести в себе самый страшный итог...

Но вот, кажется, пришел конец всем иллюзиям, никто о ней ничего толком не знал, она действительно исчезла той осенью сорок первого года.

Оставалось единственное.

Приехав в этот поселок, он поселился в крохотной поселковой гостиничке возле бани, где в квадратной комнатухе с раковиной и умывальником стояло шесть тесно составленных коек, на которых почти каждую ночь менялись жильцы – проезжие, уполномоченные, шофера. И только он в течение недели занимал угловую, с пружинистой сеткой койку, и, когда его спросила заведующая, сколько он еще будет здесь жить, он не сразу ответил. Он не знал, надолго ли еще придется ему задержаться в этом поселке, конец его дела даже не просматривался, но в районе созывалось какое-то совещание, и в гостинице потребовались свободные места. Его не выселяли, хотя и могли это сделать, только поинтересо-

вались сроком его выезда, но этот вопрос располневшей от сидячей работы заведующей с золотыми перстнями на всех пальцах рук был облечен в столь явное недружелюбие, что он, подумав, ответил: завтра. В тот же день после обеда, наскоро перекусив в буфете, он зашел в универмаг, в отделе спортивных товаров купил одноместную брезентовую палатку, спальный мешок, кое-что из туристических мелочей, потратив на покупку большую часть своих денег, и перетащил все за кладбище, поближе к карьеру. Тут оказалось не хуже, чем в той суетной гостинице, по крайней мере, тут он был в абсолютном покое, наедине с собой и своими невеселыми мыслями – что может быть лучше в его далеко не молодые уже годы!

Поднявшееся солнце давно висело над разрытым карьером, наступило жаркое время дня, Агеев скинул наземь куртку, то и дело оттягивая ворот трико, обдавая разгоряченную грудь душным застоялым воздухом. В карьер почти не задувал ветер, от нагретого глинистого обрыва дышало печным жаром. Агеев перебросал лопатой полпригорка земли, то и дело откидывая в сторону различные обломки, ржавые жестянки, черепки, однако того, что можно было бы отнести к сколько-нибудь отдаленной давности, не попадалось. Может, и правильно говорили ему в исполкоме, что тут ничего не осталось, тела расстрелянных перезахоронили летом сорок четвертого, сразу после освобождения, и что их было там трое. Все мужчины. Ни одной женщины там не было.

Когда же он поинтересовался, как различили тела после их почти трехлетнего пребывания в земле, ему не ответили. А одна тетка, уборщица при гостинице, с которой он как-то завел о том разговор, сказала просто:

— Какой там отличали! Собрали косточки да разложили на три гроба. Какой там отличали...

Все-таки он установил с помощью очевидцев, что не просто собрали косточки, что там были врачи и некоторые останки даже опознали родственники. Во всяком случае, с определенной долей вероятности на ошибку тела были идентифицированы, и среди трех ее тела не было.

Но где же тогда она?

Конечно, и без того она могла десять раз умереть во время и после войны, ее могли отправить в какой-нибудь из концлагерей, которые у немцев были во множестве. Но все это лишь в том единственном случае, если она не осталась здесь, в этом карьере. И он не мог предположить иного исхода до тех пор, пока воочию не убедится, что ее косточек здесь не осталось, что их не завалило рухнувшим весной сорок второго западным обрывом карьера. Проклятая эта яма тридцати шагов в поперечнике, которую лишь с натяжкой можно было назвать карьером, тем не менее умела хранить свои тайны, она отобрала у Агеева большую часть лета, столько труда, пота, так ничего и не прояснив для него.

И все-таки он не помышлял сдаваться, капитулировать перед этими бесформенными горами слежалой щебенки,

он перелопатит ее по вершку, но или найдет то, что ищет, или удостоверится, что ее тут нет.

Если ее тут нет, тогда у него останется надежда – слабая, запутанная ниточка, возможно, ведущая к жизни из этой проклятой ямы, в будущее, а может, и в вечность... Горячий юго-западный ветер, весь день иссушающе дувший на летнее пространство полей, к вечеру заметно утих; клонившееся к закату солнце в подернутом реденькой дымкой небе утратило свою пылающую прыть и не пекло, как прежде. В кущей тени жиденького куста шиповника на меже ржаной, истоптанной скотом и человеческими ногами нивы стало прохладнее и, в общем, терпимо, если бы не донимавшая Агеева жажда. В который раз старший лейтенант поднес к губам обшитую войлоком трофейную флягу, встряхнул – единственная капля из нее упала на его небритый подбородок и щекочуще скатилась за расстегнутый воротник гимнастерки. Ни во фляге и нигде поблизости воды не было. Наверно, с полдня он лежал здесь на разостланной, со следами засохшей крови телогрейке и томился в тягостном ожидании, которому, казалось, не будет конца. Сначала усилием воли он подавлял нетерпение, стараясь думать о чем-нибудь постороннем, но постепенно его все больше разбирала злость на этого Молоковича – уж не забыл ли он его тут, в каком-нибудь километре от местечка. Раздражение это, однако, скоро убывало при мысли, что нет, не забыл, не затем он вел Агеева столько, чтобы бросить вблизи от цели. Впрочем,

Агеев понимал, что сам Молокович рисковал сейчас наверняка больше: не так просто было среди бела дня появиться на местечковой улице, не нарвавшись на немцев или полицию. Агеев ему говорил: не спеши, давай пересидим в поле до вечера, а вечером, как стемнеет, пробраться в местечко, наверное, будет проще. Молокович соглашался, но поступил по-своему – видно, не хватило терпения дожидаться вечера. Конечно, он знал тут каждую тропку, каждый закуток и переход, но и его тут знала, пожалуй, каждая собака, которая теперь с легкостью могла выдать полиции.

Время от времени Агеев нетерпеливо поднимался и, стоя на одной ноге, опершись на винтовку, выглядывал из-за спутанных, склоненных к земле стеблей переспелой ржи. За рожью и широко раскинувшимся полем картофеля виднелись окраинные домики, заборы и изгороди, местами скрытые начавшей жухнуть от засухи, но все еще густой летней зеленью садов и огородов. Поодаль, в глубине этого селения маячило в безоблачном небе два желтых купола церкви, возле них белело какое-то узкое строение с островерхой черепичной крышей, похожей на пожарную каланчу, что ли. В стороне, на окраине, высилась тесная группа громадных старых деревьев – возможно, на месте какого-нибудь имения или кладбища. Оттуда по невидимой за посевами дороге выехала телега с двумя седоками, и резвый гнедой жеребенок то забежал вперед, то отставал, с игривой радостью догоняя телегу. Молоковича нигде не было. Агеев раздосадованно опустил

на измятую телогрейку, поудобнее устраивая раненую ногу, которая к вечеру стала болеть сильнее. Прошло уже немало времени после ранения, а осколочная рана выше колена заживала плохо, сильно досаждала в ходьбе, особенно болела ночью, и Агеев со все большей тревогой думал: не остался ли там осколок? Если остался осколок, то его дело плохо, с осколком рана вряд ли затянется, будет гноиться, еще приключится гангрена, тогда придется ему сыграть в ящик. Спустив до колен брюки, он ощупал намокшую повязку, от которой шел дурной, тошнотворный запах. Надо было перебинтовать ногу, но бинтов у них не было, вчера он разорвал на куски последнюю тряпку из линялого ситца в синий горошек. Это была женская кофточка, наверное, той остроглазой молодки, что хозяйничала на лесной сторожке километрах в тридцати отсюда. Когда они с Молоковичем, свернув с полевой дороги, подошли к этой сторожке, их встретил бешеный лай рыжей дворняги, долго из дома за тыном никто не показывался, а потом вышел мрачного вида, заросший черной бородой старик, и они попросили напиться. С этой просьбы они начинали всегда, когда приходило время позаботиться о пропитании или ночлеге, и по тому, как им выносили воду, решали и все остальное. Недовольный, сумрачный вид чернобородого деда не внушил им доверия, и Агеев моргнул Молоковичу раз и второй – мол, пойдем, чего дожидаться? Но тут на крыльце появилась молодая, не здешнего вида женщина в легкой кофточке, по-городскому на затыл-

ке повязанной косынке, она вынесла большую медную кружку холодной воды, которую они по очереди выпили до дна, и Агеев завел с молодой разговор на тему «поесть». Молодка сдержанно пригласила их в дом, дед придержал рвущуюся дворнягу, и они вскоре оказались в прохладной обжитой горнице со свежевывытым полом из новых сосновых досок. Переступив порог, Агеев приятно удивился обилию цветов, роскошно зеленевших на подоконниках, табуретках, по углам и скамьям, густо заставленным горшками, словно в цветочной лавке, в которую он однажды забрел в Белостоке. Их накормили ячменной кашей на сале, напоили молоком, Агеев не прочь был заночевать тут и уже начал заигрывать с молодой. Вдруг в ответ на какую-то его невинную шутку та невпопад зарыдала, да так безутешно горько, что оба они опешили. Когда она выбежала из хаты, суровый чернобородый дед объяснил: «Вот мужа ее... сына мово... убили. А она из России».

Ночевать они там не остались, у Агеева пропало к тому желание, а Молокович рвался к своим – оставалось три последних десятка километров, и его трудно было уговорить на отдых. Немцев в этом болотисто-равнинном краю не стало слышать, по-видимому, фронт прошел стороной, и они отправились в путь – до заката солнца прошли еще километров восемь и заночевали на краю березнячка. Прошли, в общем, немного, но на большее и не рассчитывали – они порядком уже выдохлись. Поначалу, когда прорывались из окружения

и пытались догнать линию фронта, шли день и ночь, отдыхая по часу в сутки, и просто валились на ходу без сна и с усталости. До перехода через железную дорогу их группа насчитывала пятьдесят семь человек, командовал ею майор из управления армии, браваый вояка с черными косматыми бровями, он торопил их, как только было возможно, чтобы догнать своих или перейти линию фронта. Но линии нигде не было, топографическая карта из двух листов у майора кончилась, и однажды в сумерках они наткнулись на какую-то моторизованную немецкую часть, которая своими вездеходами, мотоциклами и грузовиками запрудила всю окрестность. Им следовало бы повернуть назад или взять в сторону, в обход, но майор попер напролом, они ввязались в затяжной безуспешный бой на подступах к какой-то деревне, немцы тем временем подтянули силы и устроили такой тарарам, что из всей группы, наверно, только их двое и осталось, и то лишь потому, что они вовремя поняли промашку и ускользнули из-под немецкого огня в сторону. К утру они оказались на краю широкого, поросшего лозняком болота вдали от дорог, немцев тут можно было не опасаться, и оба почем зря стали честить майора, так глупо погубившего группу. Особенно зол был Молокович, которого ночью ранило пулей в плечо. Правда, рана была пустяковой, пуля прошла по касательной, но все же рука болела и мешала как следует управляться с оружием. Агеев со своей недельной давности раной едва терпел после такой передряги, идти мог с трудом, и тут они окончательно

поняли, что фронта им не догнать. Именно тогда Молокович предложил круто свернуть к югу и пробиваться в знакомые места, к родному местечку, где у него оставалась мать с двумя малолетними детьми. А там будет видно. Агеев поначалу заколебался. Не очень ему подходило такое спасение, все-таки шла война, они были командиры, хотя и раненые, и отбившиеся от своей разгромленной части, но все же... «Смотрите, как хотите, – не очень настаивал Молокович. – А то как бы в плен не загреметь». Пленных они уже видели на шоссе под Лидой, сами чудом избежали плена, как-то увернувшись от немецких автоматчиков, прочесывавших поле боя, и Агеев решился. В тот же день свернули в сторону этого местечка.

Далеко над лесным горизонтом, закутанное в багряную дымку, заходило красное солнце, на поле стало прохладнее, жажда чуть убыла, а дрема, с которой Агеев изо всех сил боролся под этим кустом, прошла без остатка. Теперь он не боялся уснуть, он чутко прислушивался к редким малопонятным звукам, доносившимся сюда из местечка. Молодой женский голос несколько раз нараспев повторял что-то, и он догадался: это звали домой ребят. Однажды звучно крикнула низко пролетавшая утка, и он встрепенулся от испуга – так измучился за день в тиши и ожидании. Близко раздавшийся протяжный коровий рев заставил его осторожно выглянуть из стеблей – по дороге к местечку гнали небольшое стадо из десятка разномастных коров. За стадом поднималось облач-

ко пыли, давшее Агееву понять, что там проходила гравийка или большак, проселок бы так не пылил. Но за полдня там не видать было ни одной машины, и Агеев подумал: а вдруг немцы еще не добрались до этого местечка? Может, их там еще и нет. Это было бы здорово, в таком случае им бы наверняка повезло. Вот только куда запропастился Молокович?

С Молоковичем они были из одной части и перед самой войной недолго служили вместе. Такая была служба у старшего лейтенанта Агеева, особенно в тревожные недели кануна войны, что он мало находился в полку, разве заскакивал на нечастые полковые совещания, а больше пропадал на складах боепитания, своем и дивизионном, обеспечивал полк боезапасом. Работы у начбоя было по горло. Несколько видов патронов к стрелковому оружию, ручные гранаты всех марок, снаряды к полковым пушкам, винтовки, пулеметы, запчасти и ремонтная техника – все это перестраивалось, переиначивалось, реорганизовывалось на ходу, по-новому, согласно новым инструкциям и указаниям. Времени же на все было в обрез, штабы и командиры понимали это и спешили, не ведая ни сна, ни отдыха. Кровь из носа, а было приказано назапасить три БК¹ для всего вооружения и пять БК для противотанковых пушек. Наличные склады не вмещали всю пропасть штабелей и ящиков, приходилось строить временные хранилища, возить за много километров строительные материалы, людей. Лейтенант Молокович прибыл в полк за

¹ Боекомплект.

три дня до начала войны после ускоренного выпуска из военного училища и был назначен командиром батальонного взвода связи. По службе в полку Агеев с ним почти не встречался, разве что несколько раз видел его во время полковых построений, этого тонкошеего лейтенантика в новеньком командирском обмундировании, с хрустящей портупеей через плечо. И уж никогда не думал начбой, что военная судьба сведет их вместе, да еще в такой горький час. Конечно, Агеев понимал, что он представляет собой немалую обузу для этого быстрого молодого лейтенанта, которому без него, наверное, повезло бы больше, он мог бы делать и по шестьдесят километров в сутки и, может, давно бы достиг линии фронта. Но он не мог оставить раненого Агеева, поддерживая его в пути, заботился о ночлеге и пропитании, сам едва смирив свое молодое нетерпение. Агеев видел это, молчал и, в общем, был благодарен своему младшему другу.

Молокович пришел уже в сумерках. Агеев, не скрываясь, стоял во ржи, опершись на винтовку, и, услышав поблизости торопливые шаги, сделал попытку присесть. Но в тот же момент, закрытый по пояс рожью, откуда-то сбоку вынырнул Молокович.

– Фу ты!.. Думал, не дождусь, – сказал Агеев с явным облегчением и почувствовал, как сразу расслабился после продолжительного тревожного напряжения.

– Так, понимаете, в притемках лучше. Безопаснее, сами понимаете.

Молокович остановился перед Агеевым, устало сдвинул с потного лба непривычную, с длинным козырьком кепку; на нем уже был куций поношенный пиджачишко со сморщенными бортами, какие-то вытянутые на коленях портки и калоши на босу ногу. Заметив, что Агеев оглядывает его, Молокович сказал:

– Переоделся. Чтоб лишне глаза не мозолить.

– А как немцы? – спросил Агеев о главном, что его сейчас беспокоило.

– Никаких вам немцев. Приезжали и поехали. Правда, полицию поставили.

– Вот как! И много?

– А черт их знает. Но есть. Школу и амбулаторию заняли. Это возле церкви.

– А пройти как?

– Да уж пройдем как-нибудь. И это... Понимаете, – Молокович отвел глаза, огляделся, и Агеев понял: что-то у него не заладилось. – Понимаете, у меня не очень... Ну, сосед в полиции. Так мы вам другое место сосватали. У тетки одной...

Агеев с облегчением вздохнул – у тетки так у тетки, ему главное, чтобы подлечить рану, долго он тут не задержится. Все-таки положение их было неопределенным, с непредсказуемыми последствиями, и он старался много о том не думать. Главное, чтоб куда-нибудь скрыться, заползти в подходящую конуру, зализать раны, с которыми оба они не вояки. А потом будет видно. Потом они подадутся к фронту.

– Про фронт не слышать?

– Говорят разное. Немцы передали, что уже Москву взяли, – неохотно ответил Молокович.

– Ого! Куда хватили!

– Всякое говорят. Но толком никто ничего не знает.

– Да... Ну что ж, пошли?

– Погодите, – бодрее сказал Молокович. – Понимаете, с оружием не годится. С оружием остановят и... сами понимаете.

Агеев молчал, что он мог сказать? Конечно, попадаться с оружием ему не хотелось, но и расставаться с ним в такое время тоже было непривычно и боязно.

– Надо запрятать, – сказал Молокович. – Вот хотя бы и здесь. А что, куст – приметно.

– В земле?

– В земле, конечно. У меня вот холстина, завернем. На пока...

Агеев помолчал, подумал. Для него, который всю службу пекся о чистоте и исправности оружия, зарывать сейчас в землю винтовки было против совести. Но он вспомнил, сколько их осталось на полях боев, на складах и базах, захваченных немцами, и только вздохнул.

Широким немецким тесаком он вырыл узкую канавку на самом краешке ржи под межой. Молокович обернул холстиной две винтовки – нашу, образца 91/30 года и новенькую немецкую с поцарапанной ложей, – они устроили их в ямке и

уже в темноте засыпали сверху землей. Потом утоптали землю ногами, забросали травой.

– Ну а пистолеты уж мы как-нибудь, – сказал Молокович.

У них было два пистолета – наших вороненых «ТТ» с пластмассовыми накладками на рукоятках. Днем, уходя в местечко, Молокович свой оставил Агееву, а теперь подобрал с телогрейки и сунул в карман брюк. Потертую кожаную кобуру, размахнувшись, забросил подальше в картошку.

– Пошли!

Агеев подхватил телогрейку и, сильно хромая, пошел за товарищем. Уже вовсе стемнело, вокруг в притуманенном пространстве поля было полно непонятных пятен и теней, вызывавших неясную тревогу в душе. Но Молокович уверенно шел по картофельной борозде впереди, Агеев старался от него не отстать. Но все-таки отставал, больная нога плохо слушалась и все время задевала за разросшуюся картофельную ботву, он оступался, не попадал в борозду и злился на себя, не решаясь окликнуть товарища.

Уже в совершенной темноте они подошли к крайним домам местечка, свернули на стезжку. Где-то во дворах между деревьями посверкивал красный огонек и расходился щекочущий ноздри запах подгоревшей картошки, который напомнил Агееву, как он давно хочет есть. Но до еды, наверно, было еще далеко. Низко нагнувшись, они пролезли между двумя витками колючей проволоки и пошли по заросшей тропинке мимо чьей-то усадьбы с длинным дощатым забо-

ром, потом прошли берегом ручья под деревьями и в конце огородов вышли к дороге. Далее следовало перейти на ту сторону. Там домов больше не было, справа лежало темное поле, а впереди пучился разрытый пригорок, и Агеев не сразу рассмотрел в нем тот самый карьер, который потом сыграет столь роковую роль в его жизни. Но это гораздо позже, а в тот раз Агеев едва заметил его в темноте, они прошли вдоль каменной ограды кладбища под хмуро молчавшими в ночи деревьями и снова спустились по огородам в низкое сыроватое место, похоже овраг, заросший ольхой и орешником.

– Осторожно, держитесь за жердку, – предупредил Молокович, сам с осторожностью ступая на узкую доску кладки. Агеев благополучно перешел за ним через черный, шумевший внизу ручей и узенькой, потерявшейся в лопухах тропинкой на меже двух огородов вошел под низко нависшие ветки деревьев. Рядом темнели крыши каких-то построек.

– Так... Пойдите тут.

Почувствовав, что их путь подходит к концу, Агеев вздохнул и с облегчением расслабил ногу. Молокович ненадолго исчез, и погода в отдалении послышался тихонький стук в окно, потом несколько невнятных слов. И вот он уже взял Агеева за руку и в кромешной, непроницаемой темноте куда-то повел через двор. Похоже, однако, они очутились в сарае, наткнувшись на что-то громоздкое, перелезли через высокий порог распахнутой двери. По-прежнему вокруг было совершенно темно, пахло душной смесью сарайной затхло-

сти и сена или, возможно, каких-то сушеных трав и еще чем-то, чем пахнет обычно в старых непрветриваемых помещениях.

– Вот, идите сюда...

Наткнувшись в темноте на Молоковича, Агеев нащупал возле себя что-то похожее на топчан и устало опустился на шуршащий сенник, покрытый жесткой дерюжкой.

– Ну вот и добро. Тетка Барановская накормит.

– Ладно. Спасибо...

– И не беспокойтесь. Все хорошо будет.

– Ну что ж...

Тетка, похоже, также находилась тут, но она не произнесла ни слова, и Агееву стало неловко – все-таки хотелось знать, как она отнесется к такому постояльцу. Ведь могла и не согласиться, и запротестовать или хотя бы затаить недовольство в душе. Но тетка молчала, и Молокович тихо спросил, обращаясь в темноту:

– Поесть найдется чего?

– А там стоит, – слышался немолодой сдержанный голос, который вовсе не развеял опасений Агеева, скорее усилил их, таким он казался сухим и даже раздраженным.

– Ах, вот тут... Хлеб, огурцы. Вот перекусите... Ну так лежите. На днях повидаемся, – тихо сказал Молокович.

– Добро.

– Так до свидания, начбой!

Как-то совершенно неслышно, не стукнув и не скрипнув

ничем, оба они ушли, вокруг стало тихо и глухо, и Агеев впервые подумал, не окажется ли это пристанище западней. Всегда он очень боялся, как бы силою обстоятельств не оказаться загнанным в угол без малейшей возможности к победе или отступлению. Но вот, похоже, оказался именно в такой ситуации. Что стоит этой тетке Барановской позвать полицаев, и его, хромого, скрутят в два счета, сведут в полицию. Могут застрелить, могут отправить в лагерь для военнопленных. Конечно, тетка о нем ничего не знала, он не сделал ей ничего скверного, но ведь своя рубашка каждому ближе к телу, особенно в такой час. Зачем рисковать головой этой молчаливой тетке, которая наверняка знает, что ей грозит за укрывательство пришедшего красноармейца.

Совершенно загнанным и беспомощным почувствовал он себя в эту летнюю ночь с гноящейся раной, по доброй воле или по глупости давший себя запереть. Правда, у него был пистолет и два полных магазина к нему, на худой конец, можно было застрелить пару немцев и себя пристрелить тоже. Ну а если до этого не дойдет, как тогда? Как следовало держать себя перед полицаями, за кого выдавать? На нем была командирская форма, сильно заношенная и засаленная гимнастерка и синие диагональные бриджи, портупею он сбросил, когда они остались вдвоем с Молоковичем, но на красных петлицах было три прежних эмалевых кубаря – за кого же он мог себя выдать? Молокович предусмотрительно переоделся; на время, разумеется, по-видимому, будет разум-

нее переодеться в гражданское и ему, но много ли поможет гражданская одежда? Наверно, к ней нужны еще и гражданские документы, а где их взять?

Предчувствие скверного овладело Агеевым в этом темном закутке. Скоро, однако, чувство голода взяло верх, он нащупал на низком столике-ящике кусок черствого хлеба, несколько огурцов в миске и с жадностью стал есть, хрустя огурцом, пока от хлеба не остался маленький кусочек, наверно, его следовало бы оставить на завтра, подумал Агеев. Тем не менее он не мог остановиться и незаметно для себя сжевал все без остатка.

Похоже, тут же и уснул – забылся тревожным, тяжелым сном до рассвета.

Раскрыв утром глаза, Агеев увидел над собой низкий, сколоченный из горбылей потолок, из таких же горбылей были и стены, светившиеся теперь множеством щелей и дыр. Агеев огляделся. Это был крохотный сарайчик-временка, пристроенный к бревенчатой стене хлева или сеней, куда вела низкая дощатая дверь, запертая на деревянную щеколду-закрутку. В одном конце его помещался топчан, на котором он проспал ночь, с покрытым дерюжкой ящиком возле ног, в другом лежал ворох свежего сена, и у стены сидела на гнезде серая курица, одним глазом пристально наблюдавшая за ним. В многочисленные щели бил солнечный свет, кое-где снаружи проглядывало освещенное солнцем сорное разнотравье, буйно разросшееся в огороде. Было тепло, покойно, где-то

вдали прокричал петух. Агеев попытался встать и едва не вскрикнул от боли – повязка на ноге сбилась, штанина при-сохла к ране. Он сел на топчане и, спустив брюки, обнажил болезненную, ставшую как бревно ногу, которая вся взду-лась, побагровела выше колена; по грязной, в подтеках коже из раны сползло несколько мутных капель. Он стер их ладо-ную и вдруг испуганно замер: в неровных, набрякших гнилой сукровицей тканях шевелился крошечный белый червь, ря-дом другой. Агеев с испугом раздвинул подсохшие края ра-ны и увидел в ней множество крохотных шевелящихся тва-рей. Содрогаясь, будто в ознобе, он кончиком соломины стал выколупывать их, то и дело стряхивая на пол. Его не поки-дало испуганно-брезгливое чувство оттого, что живое чело-веческое тело пожирали эти копошащиеся паразиты. Но что он мог сделать? Все последние дни их бесприютного блуж-дания по лесам и дорогам у него не было даже бинта, чтоб перевязать рану, так вот и шел по жаре, нога с каждым днем распухала все больше, гноилась; не удивительно, что в ране завелись черви.

Слегка подрагивающими руками Агеев поправил повяз-ку, перевернув тряпку сухой стороной, напряженно размыш-ляя при том, как ему быть с этой раной, как лечить ногу. Без Молоковича он ничего не сделает, но вчера они даже не условились, когда Молокович навестит его снова. Видно, по-надобится доктор. Только найдется ли тут какой-нибудь ле-карь, на которого можно было бы положиться?

Стараясь не очень возиться на сеннике и не шуметь, он беспрестанно вслушивался во все звуки снаружи. Но снаружи вроде все было тихо. Вдруг совершенно неожиданно для него дверь растворилась, и через порог переступила маленькая пожилая женщина в длинной юбке и темном, низко повязанном платке, чем-то напominившая ему монашку. Обе ее руки были заняты ношей – закопченным чугуном, из которого приятно пахло свежесваренной, с укропом картошкой. Агеев осторожно подобрал раненую ногу.

– Вот завтрак вам, – сказала женщина, сухо поздоровавшись, и Агеев догадался, что это его хозяйка.

– Спасибо.

– Кали ласка. Молоко в кувшине.

– Спасибо.

Он думал, что она задержится, спросит о чем-либо или что-либо скажет, но тетка быстренько и молча повернулась к двери. Боясь, что он ее не скоро увидит, Агеев поспешно окликнул:

– Одну минутку! Если можно.

Хозяйка обернулась. Ее маленькое сморщенное личико с плотно поджатыми губами мало что выражало, и лишь во взгляде промелькнула твердость, близкая к суровости.

– Понимаете, мне бы доктора. Рана у меня, понимаете?..

Мельком взглянув на его вытянутую вдоль топчана распухшую ногу с мокрым пятном на продырявленной осколком штанине, хозяйка тихонько вздохнула и молча выскольз-

нула из сарайчика, плотно притворив за собой дверь. Недоуменно выждав минуту, Агеев потянулся к ящику в ногах, где дразнящими запахами исходила горячая картошка.

Завтракая, он старался не думать о ране, но и не мог отделаться от скверного, испуганно-брезгливого чувства, вызванного ее осмотром. Беспокойство его не проходило, думалось разное, но больше тревожное, с печальным концом. Если бы не эти черви, то с болью он бы как-нибудь сладил, боль уже потеряла остроту, он к ней притерпелся, ходить было трудно, но можно – прошел же он километров сто двадцать, наверно, смог бы пройти и еще. Но как бы не началось заражение, если завелись черви. К тому же в ране мог остаться осколок, а с ним дело плохо, с осколком хорошего не дожждаться. Как бы не застрять тут надолго или вообще не сыграть в ящик. Он все время прислушивался к разрозненным, порой неясным, обманчивым звукам извне – ждал хозяйку. Должна же она зайти в этот закуток, как-то помочь ему. При этих мыслях он с грустью усмехнулся: дожил, называется, начбой – до полной зависимости от какой-то местечковой тетки! Но ведь действительно все теперь складывалось так, что судьба его определялась отношением к нему этой тетки. Превратная военная судьба, поставившая в его жизни все с ног на голову. Да и только ли в его жизни?

Запивая простоквашей из кувшина, он быстро проглотил картошку, дожевал хлеб – в этот раз всего небольшой ломоть. Поблизости все было тихо, за стеной лежал огород, об-

росший по межам лопухами и крапивой, улица была в отдалении, на том конце усадьбы, и с нее почти не проникало сюда никаких звуков. В покойной тиши дома он сразу услышал осторожные шаги в сарае – дверь нешироко приотворилась.

– Вот переодеться вам.

Хозяйка положила на конец его топчана небольшой сверток, развернув который, он обнаружил черную сатиновую рубаху, красиво вышитую по воротнику синим шелком. «Что ж, спасибо!» – в мыслях запоздало поблагодарил Агеев, так как тетка уже скрылась за затворенной дверью. Пожалуй, она была ему в самый раз, эта нарядная сорочка, но он помедлил снимать свою измятую пропотевшую гимнастерку, столько вынесшую вместе с ним за лето. Это было обычное хэбэ с накладными карманами и красными командирскими петлицами, в которых мерцало по три рубиновых кубика. Третий кубик привинтил только за три месяца до начала войны, а ждал его три долгих года – в течение всей своей командирской службы после училища. На рукавах краснели углами галуны-нашивки, соответствующие его званию. И вот от всего этого приходилось отказываться, менять на какую-то гражданскую рубаху с цветочками по воротнику. Но, видно, поменять придется, иначе как ему выйти отсюда в этом его командирском обмундировании?

Он решительно стянул с себя гимнастерку, выбрал из карманов документы, подумав, сунул их под сенник. Потом накинул мягкую, приятно облегающую тело рубаху, ворот засте-

гивать не стал, подпоясываться тоже. Гимнастерку вместе с ремнем и пистолетом положил в изголовье. Теперь из военного обмундирования на нем оставались только темно-синие командирские бриджи. Разношенные яловые сапоги вполне могли сойти за гражданские, о сапогах он не беспокоился. А о брюках побеспокоиться все же придется, брюки могли его подвести.

Ему давно хотелось выйти во двор, но он медлил в нерешительности, прислушивался. Было неизвестно, кто тут обитает поблизости, кто еще есть у этой Барановской. Кого ему следовало опасаться? Все-таки нелюдима она какая-то, эта его хозяйка, подумал Агеев, нет чтобы рассказать самой, видно, придется расспрашивать. Расспрашивать он не любил, особенно малознакомых. Впрочем, как и рассказывать о себе. Общение без нужды не доставляло ему удовольствия, наверно, под стать ему попалась и его хозяйка.

Он еще не набрался решимости покинуть на время свое пристанище, как за стеной в сарае послышалось движение, сдержанные голоса, дверь широко растворилась, и через высокий порог перешагнула немолодая полногрудая женщина в черном жакете, с собранным на затылке узлом седоватых волос. Испытующе взглянув на него, она густодохнула махорочным дымом от самокрутки в зубах и поставила на ящик небольшой обшарпанный саквояжик.

– О, где он устроился! Хорошо, свежий воздух, правда? Ну, здравствуй, парень!

– Здравствуйте, – слегка смущенно сказал Агеев, приподнимаясь на топчане. Он не сразу понял, за кого она его принимает, но ее простота в обращении настраивала на легкий, общительный лад.

Хозяйка молча стояла у порога, незнакомка еще раз два второпях затянулась и, бросив окурок наземь, старательно затерла его ботинком.

– Ну так что? Болечка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.